

— А что сильнее любви, любимый?
Смерть... Ненависть... Разлука...
Война?

— Сильнее любви только любовь...

Сергей Вологодский

— Какая первая обязанность солдата
на войне?

— Умереть за свою Родину!

— Неправильно. Первая обязанность
солдата — сделать так, чтобы за свою ро-
дину умерли враги!

Солдатская мудрость

ГЛАВА ПЕРВАЯ

После Прохоровского побоища Иван вдруг понял и остро ощутил, что прошел невидимый Рубикон, и кто был с ним, тоже миновал запредельную грань небытия и кромешного ада. Горели деревни, в тот черный, прогорклый от дыма пожарищ день сшиблись, чтобы растерзать друг друга, тысячи боевых машин-монстров; на дыбы вставала земля, разрываемая снарядами и минами, кипела и сгорала человеческая кровь вместе с железом.

И секундное, минутное *прошлое* замирало в дымящих танках и САУ, сорванных башнях, вывороченных рванувшим боекомплектom внутренностях машин и застывших телах.

А настоящее продолжало долбить снарядами, давить гусеницами, крошить пехотные цепи раскаленными пулеметами и пытаться выжить, вылезти из огня, вжаться в землю в эти секунды и мгновения.

А будущего — реально обозримого — даже в ближайшую секунду ни у кого не было...

Командир гвардейского танкового взвода лейтенант Иван Родин потерял в этом бою одну боевую машину. Из-за дымовой завесы, как призрак, выполз «Фердинанд» и со второго выстрела поджег

танк сержанта Мустафина. И то же дымное облако, будто с небес гонимое горним ветром, накрыло подбитую машину, дав возможность экипажу уйти целым, не попасть под пулеметный «душ».

К своему боевому счету, а воевал Родин с мая 1942 года, он прибавил еще два танка, со звериным рыком всадив одному снаряд под башню, а второму сначала в закопченный, едва видимый крест, потом — в корму. А радист-пулеметчик Руслан Баграев росчерками очередей добил отчаянно цеплявшихся за жизнь немецких танкистов. «Давай, Руслик, гаси их, гадов!» — кричал Иван в ТПУ, и эти дергающиеся черные фигурки напоминали разбегающихся тараканов, застигнутых ярким светом на хозяйской кухне.

Когда, казалось, уже самое страшное позади, и черный дым затмил солнце, и обессилевшие стороны вот-вот должны уползти на рубежи, обозначенные генералами, на исходе боя танк вдруг понесло в сторону. И когда, завалившись в неглубокий овраг, он вздрогнул и замер, Родин, Баграев и Сидорский остро, как от пронзительного удара штыка, осознали: с механиком-водителем Степкой беда.

Чуть ли не кубарем, в доли секунды Иван оказался рядом с ним. Еще не подоспели остальные члены экипажа, а Родин уже понял: Одинокое погиб. Он сидел по-походному, с бессильно завалившейся головой; на черном от копоти и грязи лице, прямо из-под танкошлема виднелись ярко-вишневые потеки крови. Пуля или осколок угодили прямо в лоб и — наповал. Нелепо, глупо, хоть волком вой.

— А ну, по местам! Кто разрешил? — мертво произнес командир.

Баграев стащил тело Степана с сиденья. Иван занял его место, не стал закрывать люк над головой, включил заднюю передачу и, пятясь, выполз из оврага.

Тут в танкошлеме засвербил голос ротного.

— Что там у тебя, куда пропал? — нетерпеливо спросил Бражкин, потерявший из виду не отвечающий на вызовы танк.

Как раз в тот момент весь экипаж поочередно отрубился от ТПУ.

— Механика убило, — ответил глухо Иван.

— Понятно... — сказал капитан. И после паузы приказал занять рубежи у деревни, которая догорала в полукилометре за ними.

Рота уже ушла вперед, к назначенным рубежам. Родин резко развернул машину, так что Сидорский треснулся головой о броню, и рванул догонять своих к незаселенному пункту, от которого остались обугленные остовы печей, как квадратные кулаки с большими торчащими пальцами.

«Будем жить!» — произнес Родин сам для себя, потому что никто его не смог бы услышать.

На войне всегда можно оправдать нелепую и дурную смерть. «Пуля дура — лоб молодец!» — скользнуло в мыслях. Степан всегда, даже в самой опасной заварухе ездил по-походному, с открытым люком: все поле боя перед тобой, не то что в «амбразуре» триплекса. И с этим не поспоришь: бывало, полсекунды решали жизнь или смерть от нацеленного ствола «тигра», где под броней упревший Отто или Уве ловил в перекрестье твою «тридцатьчетверку». Борьба со Степаном было бесполезно,

еще одним аргументом он называл «психический фактор»: его черная рожа с горящими, как фары, глазами да с пулеметной приправой, конечно, вселяла ужас.

Ну а если поймаешь броневой под башню, спасения так и так нет, по-походному ты сидишь или под броней...

На войне мечтает каждый по-своему. Не о далеком будущем — о близких, о встрече с любимыми, о возвращении к родимым местам.

У Степана еще была мечта — проехать на танке по Унтер-ден-Линден. «А это что за хрень?» — спросил тогда Сидорский. «Темнота, — усмехнулся Одинокоев. — Это главная улица Берлина». Так с этой мечтой и жил...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Стратегические планы командования были так же далеки и неведомы личному составу, как планета бога войны — Марс. Лишь по косвенным признакам и чисто интуитивно бывалый фронтовик мог строить догадки: будет привал, ночевка или скорое наступление. Тревожными признаками были срочный вызов командиров к комбригу Чугуну, загрузка полным боекомплектом и заправка под горловину горючим. А благоприятными — прибытие полевой кухни, оборудование места для штаба батальона, приказ отрыть окопы для танков и сортирные ямы.

От комбата Бражкин пришел, похоже, в добром расположении духа: не морщит лоб под танкошле-

мом, не рыскает глазами — к чему бы придраться. Даже по его неторопливой, враскачку, походке Родин предположил, что на совещании были доведены, по крайней мере, две важные новости: «занимаем оборонительные рубежи» и «скоро прибудет пополнение». После гибели Одинокова экипаж уже два месяца воевал втроем, в бою за механика-водителя был Сидорский, а на марше за рычаги садился Иван.

Трое взводных: Андрей Бобер, Борис Штокман и Иван Родин — выстроились в подобие строя на раскисшей и раздолбанной гусеницами глинистой земле. Откашлявшись, видно, по пути от комбата торопливо выкурил пару папирос, Бражкин произнес:

— В общем, так, товарищи командиры, дан приказ перейти к обороне.

Бражкин достал командирскую карту и показал уже нанесенные на ней «яйца» — опорные пункты взводов и в целом всей роты. Потом он выслушал доклады командиров взводов, главным образом — о состоянии техники. Когда уставали люди, их восстанавливал отдых, а если уставало и отказывало железо, на марше, или того хуже — в бою, беда была просто фатальной.

— К рассвету танки должны быть в окопах. Вопросы есть? — спросил Бражкин, снял новенький танкошлем, который явно жал ему, но зато был кожаным, и вытер тыльной стороной ладони пот со лба.

— А пополнение будет? — поинтересовался Родин, обескураженно поняв, что не будет, иначе ротный непременно бы порадовал этой новостью.

— А зачем тебе пополнение? — с легкой усмешкой спросил Бражкин. — Вы и втроем справляетесь. Изучаете смежные специальности!

— Уже давно изучили, — пробурчал Иван.

— Повторение — мать учения, — назидательно сказал ротный и пошел к своей «тридцатьчетверке».

В обороне каждая пара рук — на вес золота. Танк, зарытый для маскировки по башню, стоит трех-четыре атакующих в чистом поле. А вот каждый танковый окоп — это более двадцати кубометров вынутого обыкновенной саперной лопатой грунта. А если готовиться к обороне, обстоятельно, по правилам, то кроме основной отрывали еще две-три запасные позиции и вырубали подходы к ним от кустарника. Даже загрубелые, привычные к тяжелой работе руки танкистов в эти сутки покрывались волдырями и кровавыми мозолями...

Сидорский притащил с полевой кухни термос с вечерней кашей. Любил он это дело, потому что каждый раз убедительно получал от повара пайку на отсутствующего члена экипажа. От дневной каши вечерняя отличалась запахом тушенки, и эта пониженная калорийность тоже считалась верной приметой залегания в оборону. Потому как перед боем кормили хоть не на убой, но плотно и основательно, с американской тушенкой и куском сала. Полагались и сто наркомовских граммов, но выдавали их исключительно после боя.

Ужинали в танке, на своих местах — и тепло, и свет есть, даже музыку можно найти по радиостанции.

Выскребая ложкой котелок, Сидорский снова завел разговор, а не попросить ли у ротного для вы-

емки грунта зажавшегося писарчука. Ведь на троих нормы человека-грунта возрастают.

— А труд на земле несет большую воспитательную нагрузку, — продолжал, все более увлекаясь, Сидорский. — Вот взять Льва Толстого, граф, великий писатель, а пахал на земле босым, как простой крестьянин. А зажавшийся писарчук Прошка пerryшком чирикает, а сам ничего тяжелее этого пerryшка в руках не держал.

— Да когда же ты наконец заткнешься? — не выдержал Родин.

И тут вдруг раздался стук по броне.

— Кого там черт принес? — выругался Иван и открыл люк.

— Это я, писарь Прохор Потемкин, — слышался голос.

Экипаж дружно рассмеялся.

Внизу стоял ротный писарь с пальцем (стерженьем от трака).

— Чего колотишь?

— Товарищ лейтенант, командир роты вас вызывает!

Иван спрыгнул вниз и поинтересовался, не знает ли писарь, по какой надобности зовет ротный. Прохор пожал плечами, мол, не могу знать, командир сам скажет. Родин призадумался, и тут, словно веселые бесенята мелькнули в его глазах. Он с легкостью залез обратно на броню и, склонившись в люк, негромко, но выразительно сказал:

— Сидорский, командир роты прислал нам на усиление писаря Потемкина.

— Да ну! — Кирилл даже рот открыл от такой новости.

— Приказал прямо сейчас выдать ему лопату и обозначить участок работы.

— Это мы мигом! — загорелся Сидорский. — Ну, ротный, вот же правильный мужик. Уважаю!

Родин неторопливо направился к танку Бражкина, а Кирилл в мгновение ока очутился на земле, схватил лопату, лежавшую на броне, и протянул уже собиравшемуся уходить Потемкину.

— Держи, граф, — весело сказал он. — Поработаешь Львом Толстым!

Проخور опешил:

— На кой черт ты мне ее суешь?

— Бери шанцевый инструмент, есть шанс принять участие в героической обороне села Кукуево!

Потемкин рассвирепел: сдурел, что ли, Кирия?

Тут из люка появилась голова Баграева, тот с ходу поддержал игру, мол, писарчук, ты в своем уме, приказы ротного не обсуждаются. Руслан, сидя на командирском месте, с таким жаром заседал, что Проخور стал постепенно остывать, заподозрив неладное. Хорошо, лопата в ход не пошла. Он воткнул ее с силой в землю, наконец, сообразив, что Иван его разыграл.

Прошка обозвал их придурками, так и не поняв, что это было. Он заторопился к Бражкину, непременно доложить о случившемся инциденте. Вдруг и правда был такой неожиданный приказ, а он его не выполнил? И чем ближе Потемкин подходил к палатке командира роты, тем больше скользкий и гадкий страх заползал ему куда-то в область подбрюшья.

Да, у него самый красивый каллиграфически выверенный почерк не только в батальоне, но и во всей бригаде. В школе по чистописанию он всегда получал «пять»! Но месяц назад допустил просто кошмарную ошибку: делая документацию для командира батальона, фамилию командира бригады написал через «ю»: Чюгун. Бражкин, увидев это «чудо», рассвирепел, пообещал засунуть его в пушку и выстрелить. Но тут же спокойно и очень внятно сказал, что отправит башенным под первую же вакансию. А за год в роте, батальоне и во всей бригаде от безвозвратных потерь сменилось, считай, 80 процентов личного состава.

Родин, подходя к командирской палатке, еще издали понял причину вызова. Бражкин, любивший напустить туману, и на этот раз сотворил по фронтовой жизни сюрприз — в виде обещанного пополнения.

Сейчас он прохаживался перед вытянувшимся строем «великолепной семерки», видно, уже успев накоротке расспросить каждого из новичков, и теперь рассказывал о славных боевых традициях гвардейской танковой бригады и 1-й роты в частности.

Родин доложил о прибытии, следом за ним доложил Бобер. Штокмана не вызвали, видно, разрядки не было. Бражкин кивнул лейтенантам, чтобы стали рядом.

Вслед за взводными перед очами ротного несмело проявился Потемкин.

— Ты еще здесь, писарюга? — раздраженно спросил командир. — Взял лопату — и на окоп!